

МЕСТО РЕЛИГИОЗНОЙ КОМПОНЕНТЫ В ИРАНО-САУДОВСКОМ КОНФЛИКТЕ

МУЗЫКИНА

Елена Валентиновна,

канд. филос. наук, доц. каф.
лингвистики и гуманитарно-
социальных дисциплин; Заокский
христианский гуманитарно-
экономический институт
(301000, Россия, Тульская обл.,
пос. Заокский, ул. Руднева, д. 43а).
E-mail: m_yelena73@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется вопрос значимости религиозной компоненты в современном конфликте Ирана и Саудовской Аравии. Указанные страны представляют шиитское и суннитское течения ислама соответственно. Поэтому в ряде исследований по данному вопросу присутствует мнение о новом витке религиозного противостояния, толчком которому послужили январские события. Однако автор приходит к выводу, что религиозная составляющая не является решающей в данном конфликте. Обобщая мнения ряда западных экспертов, автор делает вывод о том, что религия является только завесой, скрывающей политические интересы как внутреннего, так и международного характера.

Ключевые слова: Иран, Саудовская Аравия, ислам, религиозный конфликт, шиитско-суннитские разногласия, региональная политика.

В политическом измерении XXI век ознаменовался тем, что ислам все настойчивее стал выдвигаться на передний край современных процессов. Данная тенденция обладает амбивалентным характером. С одной стороны, вторая по численности мировая религия нередко предстает в качестве источника негативных эмоций в многочисленных сообщениях средств массовой информации, не перестających рисовать картину «исламского экстремизма», бедствий войны в Сирии, непрекращающегося потока беженцев-мусульман в европейские страны и связанных с этим конфликтов.

С другой стороны, становится очевидным, что государства Ближнего Востока, где большинство населения исповедует ислам, все чаще начинают обращать на себя внимание мировой общественности как активные участники глобальных процессов и игроки, обладающие собственной повесткой дня и стратегическими планами. Доказательством этому служат действия таких заметных игроков Ближневосточного региона, как Иран и Саудовская Аравия, рассмотрению взаимоотношений которых посвящена данная статья.

Преодолевающая европоцентризм

При попытке инициировать оценку ближневосточных событий исследователи понимают, что ислам, как интегральное измерение коллективной жизни этих стран, должен приниматься во внимание. Но какое место необходимо отвести ему в таком случае?

В стремлении найти место исламу большинство экспертов следуют традиционной методологии. Незамедлительно вспоминается тезис, высказанный в свое время Юргеном Хабермасом о феноменах, сопровождающих «религиозное возрождение» в современном постсекулярном мире, среди которых фигурирует «инструментализация присутствующего религиям потенциала насилия»¹. Кодификация многих вполне секулярных по сути конфликтов в религиозных терминах переводит, по мнению видного социолога и философа, саму религию в разряд активных акторов современного публичного пространства.

Вместе с тем стоит оговориться, что такая социокультурная трансформация может рассматриваться и приниматься только для определенной части мира, а именно для Западного полушария, где большинство стран пережило процесс «приватизации религии», т. е. ее удаление из общественной жизни и перевод религии в личное пространство отдельного индивидуума. Данный процесс получил название секуляризации. Естественно, что после нескольких столетий утверждения примата рационализма и гуманизма в западных обществах столкновение с витальностью религиозного на примере мигрантов, активно исповедующих ислам, будет инициировать повышенный интерес к религии как «другого», так и собственной. Идея «возрождения религии», иными словами, возвращения ее на социальную, культурную и, конечно, политическую арену, выглядит оправданной, но далеко не универсальной.

Сам Ю. Хабермас делает важную оговорку в своем рассуждении о наступлении эпохи постсекулярного: данный феномен можно обсуждать только для ограниченного числа развитых западноевропейских стран, во всей полноте испытавших на себе действие идеалов эпохи Просвещения и отказавшихся от религиозно-мифологического, а точнее христианского, мировоззрения традиционного общества. К таким странам Ю. Хабермас относит Западную Европу, Канаду, Австралию и Новую Зеландию². Как же быть в таком случае с теми акторами современной политики, которые никогда не отказывались от религиозной составляющей своих обществ?

¹ Хабермас Ю. Против «воинствующего атеизма». «Постсекулярное» общество — что это такое // Русский журнал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russ.ru/pole/Protiv-voinstvuyuschego-ateizma> (Дата обращения: 15.02.2016.)

² Там же.

Очевидно, что тезис «возрождения религии» для Восточного полушария, в частности Ближнего Востока, не является ни определяющим, ни актуальным. Попытки переноса и насаждения секулярного проекта в период колониального господства западных держав на данной территории не увенчалась успехом, а в некоторых странах, таких как Иран, привели к совершенно противоположным результатам — созданию исламского государства с претензией на теократию. Однако сегодня именно Иран в тандеме с Саудовской Аравией пытаются использовать для доказательства законности применения универсалистских, западных паттернов к восточному исламскому миру. События начала января — тому доказательство.

После казни 2 января текущего года в Саудовской Аравии известного шиитского проповедника Нимра ан-Нимра, а также еще 46 человек, обвиненных властями в терроризме, западные СМИ запестрили заголовками, которые, казалось, пытались убедить читателей в возобновлении нового витка многовекового религиозного противостояния между шиитами и суннитами, но уже на новом уровне. Теперь в авангард противоборствующих сторон вышли такие государства, как Исламская республика Иран (шииты) и Королевство Саудовской Аравии (сунниты). Так, в одной из статей немецкой информационной компании Deutsche Welle можно прочесть следующее: «Иран и Саудовская Аравия усиливают противоречия меж двумя ветвями ислама. Обе стороны инструментализируют для своих нынешних целей раскол в исламе, продолжающийся почти 1300 лет»¹.

Обозреватели немецкой газеты, как и многие другие журналисты и эксперты-традиционалисты, пытаются найти корни нагнетаемого ближневосточного напряжения в схизме, имевшей место в исламском обществе в первой половине VII века н. э. и вращавшейся вокруг вопроса преемственности после смерти пророка Мухаммада. Конечно, нельзя отрицать, что тот конфликт привел к расколу мусульманской уммы на два направления: шиитов и суннитов. Но уже в самом начале оба этих течения в исламе было бы более правильно назвать «партиями»², и партиями именно политического толка, а не религиозного.

Исторический экскурс показывает, что на момент смерти Мухаммада молодое исламское сообщество не было однородным. В нем выделялись две ветви: первая состояла из арабов Северной и Центральной Аравии, с доминированием курайшитов-мекканцев, а вторая включала в себя арабов-южан, среди которых выделялись пле-

¹ Горжевский А., Дельфинов А. Конфликт между шиитами и суннитами: многовековое противостояние // Deutsche Welle от 06.01.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dw.com/ru/конфликт-между-шиитами-и-суннитами-многовековое-противостояние/a-18959791> (Дата обращения: 12.02.2016.)

² Название «шииты» происходит от арабского شيعي [шй'а], что значит приверженцы, группировка, партия.

мена аус и хазрадж, обосновавшиеся в Медине. Для представителей первой группы выбор руководителя всегда основывался на личных лидерских качествах и зрелости характера претендента, в то время как вторая группа привыкла к наследственному переходу власти, обосновывая это представлениями о богоизбранности¹. В новых условиях, ссылаясь на Коран, южане апеллировали к особому статусу и положению пророков и их семей, указывая на то, что не только политическое руководство, но и божественное водительство должно продолжаться через преемников пророка Мухаммада.

Таким образом, религиозные сентименты у представителей юга были более сильны, чем у арабов Северной и Центральной Аравии. Однако религиозная компонента как отдельная составляющая заявила о себе только на начальном этапе раскола. Дальнейшее развитие событий в исламском мире показало, что здесь политическое и духовное руководство нельзя разделить и развести в противоположные стороны. Такое положение предельно ясно, заходит ли речь о классическом средневековом представлении исламского правителя как гаранта исполнения Божественного закона или современной идеологии Хезболлы в Ливане, скрепляющей в неразрывный альянс политических лидеров и исламских ученых, улемов, которым первые обеспечивают эксклюзивное право интерпретации религиозных текстов.

В отличие от христианства, ислам и в XXI веке продолжает демонстрировать *тотальность* религиозного мировоззрения. В данном случае под тотальностью подразумевается тот факт, что религия определяет не только образ жизни отдельной личности или группы, но и политическое устройство, экономическую активность, базовые ценности культуры и т. д. С. А. Семедов замечает, что «можно практиковать религию как культ, не имея при этом религиозного мировоззрения (то, что социология называет обрядовой религией). Можно не иметь мировоззрения и не практиковать культа, но считать себя католиком или православным “по культуре”»². Однако описываемое положение вещей не является прецедентом для мусульманского большинства. Поэтому при определении причин развития конфликтов между современными государствами с мусульманским большинством лучше всего оставить попытки выделить религию как самостоятельную составляющую в противовес всему остальному. Иначе придется подвергнуть деконструкции весь общественно-политический строй этих государств и остаться ни с чем.

В случае с исламским миром, на наш взгляд, необходимо принять во внимание точку зрения Ханса Кипенберга, который утверждал, что неправомерно выделять саму по себе религию в качестве «причины по-

¹ Esposito John L. The Oxford Encyclopedia of the Islamic World. Vol. 5. Shī‘ī Islam. New York, N.Y.: Oxford University Press, 2009. P. 136.

² Семедов С. А. Ислам в политике: идеология и практика. М.: Экон-Информ, 2009. С. 18.

жара»; лучше сравнить ее роль с маслом, которое подливают в огонь¹. В современном мире именно политические, социальные и культурные конфликты обостряют религиозные чувства. В связи с этим правомерно говорить о том, что определенный тип религиозных сообществ начинает мобилизовывать свой силовой потенциал в том случае, когда видит угрозу своему существованию, своей идентичности и своему благополучию в конкретном политическом, социальном и культурном развитии.

Поэтому корни современного конфликта шиитского Ирана и суннитской Саудовской Аравии необходимо искать в любом другом измерении, но не в религиозном, оставив попытки объяснить региональное противостояние теорией «возрождения религии». Необходимо отойти от ориенталистского дискурса², сложившегося в современной исследовательской традиции, и уделить должное внимание многочисленности форм ислама как религии, культурной традиции и социально-политической системы. Такой подход поможет более объективно оценить происходящие события, вычленив их причины, а также поможет спроецировать возможные последствия. Рассмотрение ирано-саудовского конфликта будет происходить именно в этом направлении.

Движущие силы межобщинной розни: обзор мнений

События января указывают на преднамеренный характер эскалации напряженности в регионе саудовскими властями. Возникает законный вопрос: «Что стало причиной такого поведения?» Шейх Нимр Бакир ан-Нимр, знаковая фигура январских событий, не раз до этого подвергался преследованиям, не раз приговаривался к тюремным срокам и находился под следствием³. Однако ничего подобного, т. е. казни шиитского духовного лидера подобного ранга, не происходило в Саудовской Аравии на протяжении длительного времени.

Причину такого поворота Грегори Гауз (Gregory Gause) видит не в догматических разногласиях между шиитами и суннитами, а в том, что многим правительствам стран Персидского залива приходится балансировать между внутренними и внешними угрозами,

¹ Kippenberg H. G. Gewalt als Gottesdienst. Religionskriege im Zeitalter der Globalisierung. München: Verlag C. H. Beck, 2008. 242 S.

² Данное направление научно-исследовательской работы зачастую базируется на следующих посылах: (1) противопоставление Восток–Запад; (2) Восток выступает в качестве негативной альтернативы Запада; (3) Восток является монолитной структурой; (4) Восток рассматривается через историческую призму колониального опыта Запада.

³ Казнь саудовского проповедника вызвала гнев среди шиитов // BBC: Русская служба [Электронный ресурс]. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2016/01/160102_saudi_shia_execution_protests (Дата обращения: 10.02.2016.)

включая внутрисуннитскую борьбу за лидерство¹. В данном политическом контексте разжигание антишиитских настроений доказало свою эффективность в качестве инструмента балансировки, которым Саудовская Аравия на сегодняшний день активно пользуется. Между тем и кем приходится балансировать этому ближневосточному государству?

По мнению Марка Линча из университета Джорджа Вашингтона (США), амбивалентность положения саудитов заключается в следующем. С одной стороны, Эр-Рияд на сегодняшний день имеет крепкие политические позиции в арабском мире: саудовские власти могут полагаться на поддержку ОАЭ, активно идущих на сближение, при ослаблении традиционно доминировавших в данном регионе сил в лице Египта, Сирии и Ирака². Кроме того, постоянные противники саудитов внутри суннитского мира Турция и Катар сбавили градус обвинений в результате собственных многочисленных неудач и стремятся восстановить отношения с властями королевства.

Однако с другой стороны, непрекращающиеся войны в Сирии и Йемене, возникновение и активная деятельность Исламского Государства, а также ядерная программа Ирана оставляют саудовских правителей весьма уязвимыми. Сюда так же следует добавить проблемы внутренней политики: последствия для бюджета падения цен на нефть и борьба претендентов за право наследования престола. Однако при наличии серьезных внутренних проблем именно внешние потребовали незамедлительной реакции, выразившейся в эскалации межобщинной конфронтации. Среди внешнеполитических источников напряженности М. Линч выделяет три основных³.

Во-первых, «иранский вопрос». Для Саудовской Аравии успех переговоров Тегерана и Вашингтона по ядерной программе и снятие международных санкций с Ирана расценивается не иначе как сближение последнего с США. А это ставит под угрозу главенствующее положение самой Саудовской Аравии в регионе.

Во-вторых, провал международной политики. Эскалация межобщинного конфликта выглядит как попытка Саудовской Аравии отвлечь внимание региональной и собственной общественности от серьезных неудач на международной арене, среди которых: поддержка оппозиционных сил в Сирии, приведшая к укреплению Исламского государства (ИГ), а не к свержению правительства Баша-

¹ Gause G.F. Ideologies, Alliances and Underbalancing in the New Middle EaCold War. Project on Middle EaPolitical Science [Электронный ресурс]. URL: <http://pomeps.org/2015/08/26/ideologies-alliances-and-underbalancing-in-the-new-middle-east-cold-war> (Дата обращения: 10.02.2016.)

² Lynch M. Why Saudi Arabia Escalated the Middle East's Sectarian Conflict. Washington Po[Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2016/> (Дата обращения: 10.02.2016.)

³ Ibid.

ра Асада; попытки заблокировать переговоры по иранской ядерной программе, что привело к усилению напряженности в отношениях с США; решение ввести военные подразделения в Йемен, которое на сегодняшний день широко признается как очевидная стратегическая ошибка.

В-третьих, проблема лидерства в суннитском исламском мире. Дипломатия Саудовской Аравии прилагала и продолжает прилагать значительные усилия для создания того, что можно назвать «суннитским региональным порядком». Торжественное объявление о создании Исламской коалиции по борьбе с терроризмом¹, представление йеменской военной коалиции как модели коллективных действий арабского мира² и другие подобные действия призваны усилить влияние Эр-Рияда в Ближневосточном регионе. Однако оно имеет свои пределы. Из шестерки стран, входящих в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), только Бахрейн согласился последовать примеру Саудовской Аравии и полностью разорвать отношения с Тегераном, в то время как ОАЭ всего лишь сократили дипломатическое представительство в Тегеране³.

М. Линч также замечает, что в современных условиях ситуация нагнетается еще и за счет участия средств массовой информации. Региональные СМИ, поддерживая дух разделения, создают тем самым социальную базу для непрекращающихся в регионе гражданских войн. Социальные сети, широко популярные на Ближнем Востоке, в которых активно циркулируют видео и идеи подстрекательского характера, еще больше усугубляют ситуацию. Как следствие, совокупность всех трех факторов — слабость национальных государств, гражданская война и мощное воздействие СМИ — переводит межобщинный конфликт на такой новый уровень, на котором его свертывание может стать довольно затруднительной задачей⁴.

Фредерик Уири (Frederic Wehrey) из Фонда Карнеги и Тоби Мэфисон (Toby Matthieson) из Оксфордского университета пишут о том, что среди причин нового обострения межобщинной розни в исследуемом регионе можно выделить следующие⁵:

¹ Саудовская Аравия объявила о создании исламской коалиции по борьбе с терроризмом // ТАСС: Российское информационное агентство [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2527641> (Дата обращения: 16.02.2016.)

² Саудовская Аравия с арабской коалицией начала военную операцию в Йемене // РБК [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/politics/26/03/2015/55134d5e9a794729700bc4b9> (Дата обращения: 16.02.2016.)

³ Чем грозит конфликт между Ираном и Саудовской Аравией // BBC: Русская служба [Электронный ресурс]. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2016/01/160104_qd_iran_saudi_tensions (Дата обращения 12.02.2016.)

⁴ Lynch, op. cit.

⁵ См.: Wehrey F.M. *Sectarian Politics in the Gulf: From the Iraq War to the Arab Uprisings*. Columbia University Press, 2013. 272 P.; Matthieson T. *Sectarian Gulf: Saudi Arabia, Bahrain and the Arab Spring that Wasn't*. Stanford University Press, 2013. 208 P.

- недостаток структур, которые обеспечивают более широкое представительство гражданам для участия в процессе принятия решений;
- продолжающуюся дискриминацию в ключевых секторах жизни общества, например в образовании, в религиозных институтах и силовых организациях;
- неравномерное экономическое развитие.

По мнению Ф. Уири, идеологической подпиткой ирано-саудовской «холодной войны» является не религиозный, а политический компонент. Три аспекта выходят на первый план¹:

- 1) кардинальное различие в моделях государственного управления: Иран допускает участие религиозных деятелей в политических процессах и обеспечивает право своим гражданам в демократическом управлении через выборы. Что касается Саудовской Аравии, то здесь представители духовенства далеки от политики, а о принципах демократии в монархии приходится забыть;
- 2) разное представление о роли и месте США в регионе: Иран последовательно выступает против американского присутствия, в то время как Саудовская Аравия исторически рассматривала США в качестве внешней «сдерживающей силы» для Ирана и Ирака;
- 3) палестинский вопрос: саудиты расценивают участие Ирана в арабо-израильском конфликте как серьезную угрозу своей региональной и даже внутренней легитимности.

Эксперт убежден, что урегулирование внутренней ближневосточной межобщинной конфронтации между Ираном и Саудовской Аравией во многом будет зависеть от того, смогут ли стороны умирить накал взаимных обвинений. В 2006 году в Ливане это получилось у Ирана и Хезболлы. Возможно, это сможет получиться и сейчас, десять лет спустя.

Некоторые выводы

Конечно, шиитско-суннитские религиозные разногласия нельзя совсем сбрасывать со счетов. Скорее нужно говорить о том, что религиозно-общинная принадлежность на Ближнем Востоке переплетает-

¹ *Wehrey F.M.* The roots and future of sectarianism in the Gulf. Project on Middle EaPolitical Science [Электронный ресурс]. URL: <http://pomeps.org/2014/03/21/the-roots-and-future-of-sectarianism-in-the-gulf/> (Дата обращения: 12.02.2016.)

ся с национальной, племенной, региональной, этнической, классовой, возрастной и социальной. Зачастую то, что на первый взгляд кажется религиозными или доктринальными разногласиями, на самом деле представляет собой побочный продукт политических репрессий или отсутствия равного доступа к экономическим ресурсам.

Кроме того, страны Ближнего Востока представляют собой пестрый конгломерат сообществ, при рассмотрении которых местный контекст особенно важен: религиозная динамика в Бахрейне коренным образом отличается от динамики в Ливане или Сирии.

Изучая на этом фоне взаимоотношения, складывающиеся на сегодняшний день между Ираном и Саудовской Аравией, можно сделать вывод, что религиозный фактор, не являющийся для данной части Ближневосточного региона инновационным компонентом современной публичной жизни, продолжает оставаться ее интегральной составляющей, которой находят своеобразное применение. Нельзя говорить о том, что догматические разногласия являются первопричиной. Скорее они выступают в качестве завесы, скрывающей политические амбиции игроков. Эр-Рияд использует суннитско-шиитский конфликт в качестве привычного средства эффективного переключения внимания заинтересованных сторон между внутренними и региональными проблемами, в которые королевство напрямую вовлечено, но решить которые не может.

Литература

Семедов С. А. Ислам в политике: идеология и практика. М.: Экон-Информ, 2009. 271с.

Esposito John L. The Oxford Encyclopedia of the Islamic World, vol. 5. New York, N.Y.: Oxford University Press, 2009. 565 P.

Kippenberg H. G. Gewalt als Gottesdienst. Religionskriege im Zeitalter der Globalisierung. München: Verlag C. H. Beck, 2008. 242 S.

Matthieson T. Sectarian Gulf: Saudi Arabia, Bahrain and the Arab Spring that Wasn't. Stanford University Press, 2013. 208 P.

Wehrey F. M. Sectarian Politics in the Gulf: From the Iraq War to the Arab Uprisings. Columbia University Press, 2013. 272 P.

RELIGIOUS FACTOR IN THE CONFLICT BETWEEN IRAN AND SAUDI ARABIA

Yelena V. MUZYKINA,

Cand. Sci. (Philos.), assistant professor,
Department of Linguistics and
Humanitarian and Social Studies;
Zacksy Christian Institute of Economics
and Humanities (43a, Rudnev st.,
Zaoksky, Tula region, 301000,
Russian Federation).
E-mail: m_yelena73@mail.ru

Abstract. The article considers the importance of the religious component in the modern conflict between Iran and Saudi Arabia. The countries represent Shiite and Sunny branches of Islam, therefore some researches claim that there is a new phase of religious confrontation, triggered by the January, 2016 events. Yet the author concludes that the religious component is not a crucial one for the situation. Considering some Western experts' opinions, it is inferred that religion is no more than a disguise to hide domestic and foreign political endeavors.

Keywords: Iran, Saudi Arabia, Islam, religious conflict, Shiite-Sunny tension, regional politics.

